

тогда как в действительности движение катилинариев стоит в связи с неудачей аграрной реформы Руллы и является последней попыткой деревенской и городской бедноты добиться земли.

Нельзя согласиться и с характеристикой раннего христианства, из которой почему-то совершенно элиминированы элементы анархо-революционной идеологии (стр. 122). Ведь не будь этой революционной стороны в идеологии первых христиан, они едва ли считались бы цезарями особо вредной сектой и подвергались преследованиям со стороны государственной власти.

Не может, наконец, не вызвать возражений и объяснение так называемого «падения» римской империи исключительно напором варваров (стр. 125—6). Как известно, возврат к натуральному хозяйству и феодализация римского общества совершались еще задолго до решительного натиска на Империю германцев и обуславливались более глубокими причинами экономического порядка.

По всем этим вопросам можно, конечно, спорить. Но в книжке Рожкова имеются, к сожалению, недочеты, совершенно недопустимые для автора-марксиста. Говоря о духовной культуре Греции в V и IV веках до Р. Х., он не делает ни малейшей попытки связать новые культурные явления с социально-экономическими переменами эпохи, или выяснить классовую основу новых политических философских учений. Идеология оказывается чем-то самодовлеющим, развивающейся в силу противоречий заложенных в ней самой. Отсюда и традиционное противопоставление Сократа и софистов, и объяснение смерти Сократа во вкусе историков идеалистов, и характеристика Платона, как «первого в истории социалиста и т. д. (стр. 84—88).

В связи с введением новых программ наши школы второй ступени испытывают сейчас острую потребность в марксистски-выдержанных и в то же время стоящих на уровне современных научных знаний учебниках по обществоведению. Удовлетворяет ли новая книжка Н. Рожкова эту потребность?—Увы!—На это приходится ответить отрицательно.

Некоторое недоумение вызывает еще список книг по древней истории, реко-

мендуемых автором для первоначального чтения. Между прочим, здесь названы: Энгельс «Происхождение семьи» и т. д., Вишпер «Лекции по истории Греции» и Ферреро «Величие и падение Рима». Но ведь это солидные работы, которые впрокру осилить студенту университета, а не школьнику 2-ой ступени!

До сих пор мы отмечаем лишь недостатки учебника Н. Рожкова, но у него есть и известные достоинства—сжатость и популярность изложения, марксистский метод, хотя и не везде, как мы видели выдержанный.

Н. Лукин-Антонов.

Акад. М. И. РОСТОВЦЕВ. Эллинизм и иранство на юге России. Изд-во «Огни». Петроград, 1918 г. VI+193 стр. и 16 табл.

Культурно-историческое прошлое юга России в эпоху античную далеко еще не исследовано с достаточной полнотой и ясностью. Представления о нем весьма сбивчивы: то оно рисуется нам, как нечто спутанное, смешанное, наложенное до невозможности различить эти наслоения, то прошлое представляется однообразным, но также туманным и чем-то тоже отрезанным от всего дальнейшего развития как этого края, так и стран, лежащих к северу и западу. Особого интереса к югу России не проявляли, проходили мимо него, не подозревая громадного его значения для судеб европейской культуры.

В предлагаемом очерке автор, с одной стороны, как бы подводит итоги всем своим «южно-русским» работам, с другой стороны, он ставит и разрешает новые вопросы, более подробное изложение которых обещано в печатающемся большом труде «Исследования по истории Скифии и Боспора».

Данный очерк составлен не только на основании литературных первоисточников, но, что делает его таким убедительным, он опирается на документы вещественные. Перед нами наглядно, можно сказать, осязаемо ярко, встает прошлое юга России; автор заставил говорить камни, весь инвентарь курганов и силой своего таланта вынудил подземные архивы раскрыть свои тайны.

Значительное место уделено искусству, памятники коего, находящиеся в так называемых скифских могилах, составляют еще не решенный до сих пор вопрос относительно времени и места их изготовления. Акад. Ростовцев полагает, что середина III ст. до Р. Х. является *terminus ante quem* для драгоценных вещей «скифских» курганов, и думает, что не все эти сокровища были привозные, а могли быть изготовлены в Пантиканэе, расцвет которого приходится на III ст. до Р. Хр. Второе положение—исторический факт, и мнение М. Ростовцева в данном случае вряд ли встретит возражения; что же касается датировки, то думается, что ее надо отодвинуть ближе к концу III ст. или даже к первой половине II

ст. до Р. Хр., ибо как в достаточной степени убедительно показали исследования проф. Б. В. Фармаковского, весь стиль многих «скифских» ювелирных изделий (напр., чертомлыцкий налуч и пр.) и другого погребального инвентаря дает повод относить их скорее ко II ст. до Р. Хр.—к эпохе послепергамского алтаря.

Книга богато снабжена хорошо исполненными иллюстрациями (16 отдельных таблиц с 93 рисунками), воспроизведенными на основании фотографических снимков; изображены не только памятники зодчества, живописи и скульптуры, но и торевтики и нумизматики. Издана книга прекрасно.

Проф. Н. Щербанов.

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИИ.

1 МАРТА 1887 г. Воспоминания И. Д. Лукашевича. Гос. Изд. 1920 г. 47 стр.

1 марта 1887 г. в Петербурге были арестованы три студента с бомбами: в этот день предполагалось покушение на царя Александра III, подготовленное кружком молодежи, главным образом, из петербургского студенчества. По этому делу были казнены Генералов, Андреюшкин и Осипанов, захваченные с бомбами в руках, а также Шевырев и Александр Ильич Ульянов (старший брат т. Ленина), как организаторы. Лукашевич попал в Шлиссельбург, так как смертный приговор ему был смягчен. В своем рассказе о подготовке покушения он дает понять, что именно он-то и был организатором заговора, не был же казнен отчасти потому, что детальная роль заговорщиков не была вполне выяснена правительством; отчасти же потому, что подал прошение о помиловании.

Воспоминания Лукашевича написаны вскоре по его выходе из Шлиссельбурга (1905—6 гг.). Хотя для данного издания они «пересмотрены и исправлены автором», но дело в целом, очевидно, еще не подверглось изучению по материалам. Это сказывается на изложении, кое-где во всяком случае спорном. Так,

например, Лукашевич приписывает раскрытие заговора случайности,—перехваченному письму Андреюшкина с фразой: «боюсь попасть на казенные харчи, так как повлек бы за собой много хорошего народа». Эта фраза дала повод для установления тайного надзора. «Правда,—продолжает Лукашевич,—Андреюшкин, приняв на себя роль метальщика, стал вести тихий и уединенный образ жизни, так что не мог никак возбудить подозрения. Но когда он вместе с другими стал выходить на улицу и подолгу ждать проезда царя, то обратил на себя внимание сыщиков, и они успели выследить и тех, кто был вместе с ним».

Такое объяснение слишком наивно. Оно фигурирует в «деле», скорее всего, с целью затушевать истинный источник полицейской осведомленности, с целью замести следы.

В истории революционной борьбы в России «дело 1 марта 1887 года» стоит несколько особняком и представляет интерес эпизодический для характеристики периода безвременья.

Партия «Народной Воли» умерла; зародилась социал-демократия чуть заметной струйкой; правительственное торжество полное; проявлению революционной энергии нет места в сколько-нибудь широ-